

Лена Марасинова

Страх Божий и суд государственный:

«СВЯЩЕННИК-ДОЗНАВАТЕЛЬ» В СИСТЕМЕ
СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XVIII ВЕКА (ПО НОВЫМ АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ)¹

Lena Marasinoва

The fear of God and the court of justice: "interrogating priest" in the judicial system in Russia
in the second half of the 18th century (according to new archival sources)

Лена Марасинова (ИРИ РАН, ведущий научный сотрудник Центра изучения русского феодализма; НИУ ВШЭ; профессор Школы филологии НИУ ВШЭ; доктор исторических наук) LenaMarassinova@gmail.com.

Ключевые слова: история России XVIII века, церковные практики, покаяние, Страшный суд, увещание, пытки

УДК: 94(470+571)

Эта статья посвящена механизмам использования страха перед Судом Божиим для преодоления страха преступника перед наказанием со стороны суда государственного. Иными словами, речь пойдет об использовании церковных практик для проведения следствия по делам о тяжких преступлениях в России во второй половине XVIII века, когда по указу, изданному в самом начале правления Екатерины II, ограничивалось применение пыток при допросах. Актуальность работы связана с исследованием малоизученного в историографии феномена сокращения сферы юрисдикции церкви и дальнейшей секуляризации права при активизации использования светскими судами религиозной идеологии и церковных практик для ведения следствия и наказания преступников в условиях гуманизации уголовного законодательства.

Lena Marasinoва (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; Senior Research Fellow of the Department of Russian Feudalism Studying; Higher School of Economics; Professor of the School of Philology; Dr. Habil) LenaMarassinova@gmail.com.

Key words: Russian History of the 18th century, church practices, repentance, Last Judgment, exhortation, tortures

UDC: 94(470+571)

This article is devoted to the mechanisms of using fear of the Court of God to overcome the fear of a criminal before punishment by the state court. In other words, the discussion will focus on the use of church practices for investigating serious crimes in Russia in the second half of the 18th century, when the decree issued at the very beginning of the reign of Catherine II restricted the use of torture during interrogations. The relevance of the work is connected with the study of the phenomenon of reducing the sphere of church jurisdiction and further secularization of law, while the secular courts are increasingly using religious ideology and church practices to investigate and punish criminals under the humanization of criminal law, which has been little studied in historiography.

Мотив страха являлся важнейшей составляющей всей системы судопроизводства в России XVIII века, о чем свидетельствует язык следственных дел, приговоров, манифестов, донесений Тайной канцелярии и Тайной экспедиции в Сенат и т.п. Лексика этих документов воспроизводит категорию страха в самых разнообразных контекстах: «злодеи» часто совершали свои преступления, забыв «страх Божий», признавались в содеянном на допросах и очных ставках

1 Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РФФИ, проект №18-09-00461.

«по заповеди Святого Евангелия, под страхом смертной казни и Божьего наказания»; «запирающимся» подследственным напоминали о «страшном Божьем суде над нераскаивающимся грешником» и, наконец, их казнили или наказывали иным путем «в страх другим»². Более того, церковь могла пообещать преступнику после смерти «страшные пытки», страдания в аду и невозможность восстать из праха в день Страшного суда. Так, самозванца Пугачева Святейший синод приговорил к «мученьям и вечной муке в тартаре»³. Таким образом, забвение «страха Божьего» являлось отягчающим обстоятельством преступления, неотвратимость «Божьего суда» усиливала назидательность наказания, а страх перед «погибелью души»⁴ за ложные показания и запирательство превращался в мощное орудие манипуляции сознанием преступника при дознании.

Во время правления Екатерины II необходимость привлечения веских доводов для получения добровольного признания во время следствия приобрела особую актуальность в связи с именными указами императрицы об ограничении применения пытки и допросов с пристрастием. Собственно говоря, на протяжении всего XVIII века власть, так или иначе пересматривая пункты Соборного уложения 1649 года, старалась регламентировать физическое насилие во время следствия. Создатель регулярной армии и флота Петр I приказал пытать офицеров и солдат, уличенных только в великих преступлениях, и вообще «унять употребление пытки в делах малых»⁵. Елизавета Петровна подтвердила распоряжения отца, запретила пытки малолетних до семнадцати лет, а также отменила всякое телесное насилие при допросах в отношении жителей прибалтийских провинций и смоленских шляхтичей⁶.

Однако только Екатерина II четко определила механизм сохранения результативности дознания без истязания подозреваемого. Осуществившая секуляризацию ученица Вольтера, отличаясь здравым смыслом и политическим прагматизмом, понимала, что религия остается мощнейшим фактором «народной нравственности»⁷. Уже в первые месяцы своего правления императрица на заседании Сената распорядилась «всех тех, кто в разные преступления впадают, обратить к чистому признанию больше милосердием и увещанием, нежели строгостью и истязанием», а если же дело дойдет до пытки преступника — поступать с крайней осторожностью, чтобы «невиновные истязание претерпевать не могли, и максимально кровопролитие уменьшить»⁸. Кроме того, было предписано все криминальные дела «разбойников, воров, грабителей, лихоимцев, похитителей казны и самых смертоубийц» рассматривать

2 См., например: РГАДА. Ф. 6. Д. 456; Ф. 7. Оп. 1. Д. 911. Л. 38 об.; Оп. 2. Д. 2465. Л. 67; Ф. 22. Оп. 1. Д. 177. Л. 6; Ф. 16. Д. 205. Л. 8 об.; и др.

3 ПСЗ. Т. XX. № 14233. С. 1—15. 10 января 1775.

4 РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 112. Л. 6.

5 «Солдаты и офицеры в великих преступлениях могут быть пытаны, в сем нет сомнения, ибо в то время не яко солдат или офицер, но яко злодей почитается» (ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 383. 10 января 1716). См. также: ПСЗ. Т. VI. № 3933. С. 524. 4 апреля 1722; и др.

6 ПСЗ. Т. XI. № 8601. С. 641—644. 23 августа 1742; Т. XIII. № 9923. С. 579—581. 9 января 1752; и др.

7 Историк XIX века С.М. Соловьев писал: «Екатерина при своем основном стремлении действовать против безнравственных явлений средствами нравственными, а не жестокостью наказаний, обращалась за помощью к церкви» [Соловьев 1965: 126—127; Соловьев 1966: 113—116].

в течение месяца и более этого срока преступников в тюрьмах и острогах под караулом не держать⁹. Ускоренное судопроизводство, дознание без пыток и «чистое признание» с деталями и «околичностями» требовали очень убедительного увещания, на которое, по мнению Екатерины, были способны не просто представители духовенства, а «ученые священники»¹⁰.

В нарушение правила, позволяющего провозглашать изуствные именные указы императрицы сенаторам, генерал-прокурору, президентам первых трех коллегий и дежурным генерал-адъютантам, 15 января 1763 года на заседании Сената распоряжение Екатерины объявил митрополит великоновградский и великолуцкий Димитрий. В указе, в частности, говорилось: «Всех тех, которые по делам дойдут до пыток, не чиня оных, о показании истины увещавать ученым священникам»¹¹. От священника в роли следователя, безусловно, требовалась большая психологическая интуиция и владение мощной аргументацией, предполагающей как минимум хорошее знание Ветхого и Нового Завета¹². Поэтому было принято решение об увеличении числа «ученых священников» и просвещении малообразованных: «А как Ее императорскому величеству не безызвестно, что по иным городам ученых священников и нет, то для увещания <преступников> сочинить особливую книжицу с довольными доводами от Священного писания»¹³.

Руководство вызвался написать ростовский и ярославский епископ пресвященный Афанасий Волховский. Однако спустя 13 лет в 1777 году Сенат обнаружил, что «доныне предписанная книжица не сочинена», поэтому преступникам для начала без церковных посредников было коротко и доходчиво объявлено милосердное обещание государыни: «...истинное признание избавит их от истязаний и пыток»¹⁴.

После этого, по всей видимости, либо сановники сами взялись за перо, либо все же добились от церкви текста инструкции, адресованной дознавателям из среды духовенства. В бумагах графа А.А. Безбородко сохранилась рукопись, с помощью которой предполагалось постепенно заменить пытку убедительным словом «ученого священника» и не упустить возможность использовать фантом «страха и суда Божьего» для вершения суда государственного. «Две главы о том, как увещателю обращаться с содержащимися под

8 ПСЗ. Т. XVI. № 11759. С. 162. 17 февраля 1763.

9 См.: ПСЗ. Т. XVI. № 11750. С. 154–157. 10 февраля 1763.

10 ПСЗ. Т. XVI. № 11744. С. 146. 29 января 1763.

11 См.: ПСЗ. Т. XVI. № 11744. С. 146. 29 января 1763. Несколько позднее в местах, где находилось много колодников, было приказано увеличить штат священников-увещателей и священников дознавателей (ПСЗ. Т. XVII. № 12311. С. 10–11. 17 января 1765).

12 Может быть, отчасти поэтому в 1776 году увещание отставного капитана Александра Ефимовича, зарезавшего в забвении и беспамятстве свою жену, было поручено «учителю риторики», который принадлежал также к духовному званию, но был образованнее обычных священнослужителей (ПСЗ. Т. XX. № 14539. С. 453–455. 17 ноября 1776).

13 ПСЗ. Т. XVI. № 11744. С. 146. 29 января 1763; Т. XVI. № 12227. С. 889. 16 августа 1764.

14 См. об этом: ПСЗ. Т. XVI. № 11744. С. 146. 29 января 1763; № 11759. С. 162. 17 февраля 1763; Т. XX. № 14579. С. 498–499. 11 февраля 1777; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1910. Т. I. № 80. С. 77. 4 декабря 1762; № 103. С. 98. 12 марта 1763; № 199. С. 242. 16 августа 1764.

стражею»¹⁵, представляли собой набор точных и выверенных психологических приемов, позволяющих манипулировать сознанием преступника и не только получать необходимые сведения, но и изменять его внутреннюю мотивацию¹⁶.

Первостепенное значение уделялось личности увещателя, и прежде всего, не собственно его достоинствам, а репутации и способности к взвешенному убеждению. Далее перечислялись важнейшие приемы, позволяющие завладеть доверием подсудимого: снисходительный и сострадательный разговор; расположение к откровенности и рассказу «об истории своей жизни»; напоминание о несчастьях жены, детей и в целом тех, кто «любезен» арестованному, и возможность краткого свидания с ними; заверение в полной конфиденциальности бесед. Иначе говоря, необходимо было предстать перед арестантом в роли «страждущего отца, сожалеющего о его состоянии».

Кроме того, от увещателя требовался грамотный психологический анализ и понимание причин «ожесточения», приведших к преступлению: «...от неверия ль или суеверия, или от привычки к порочной жизни, или от отчаяния о возвращении счастья или от страха наказания?» Увещателю полагалось прояснить не только сутобо «мечтательные», но и социальные истоки содеянного, среди которых выделялись наиболее вероятные: неблагонамеренные родители, давшие худое воспитание; худые люди; бедность; злоупотребление должностью; и, наконец, личность самого претерпевшего. При этом автор инструкции специально пояснял, что бедность бедности рознь и оказаться в плачевном положении человек может как от мотовства и лености, так и по «посторонним причинам». Не менее пронизательно были выведены и социальные типы так называемых жертв, способных спровоцировать преступление: «господин, не дающий слуге пропитания; начальник, не предупреждающий беспорядков; [не]кто, по неспособности к правлению, расстраива[ющий] порядок».

Наконец, в соответствии с инструкцией все усилия увещателя поднимались до правосудия Божьего и истин Святого писания. Предписывалось смягчить душу преступника притчей о блудном сыне и «возбудить в нем сердечное раскаяние». Затем необходимо было напомнить о греховности каждого перед Всевышним и утешить возможностью спасения души за мгновение до смерти. Разумеется, ожидающему государственного суда следовало еще раз провозгла-

15 Здесь и далее цитируется писарская рукопись из бумаг графа А.А. Безбородко «Две главы о том, как увещателю обращаться с содержащимися под стражею» (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 203. Л. 1—15 об.).

16 Собственно практика психологической подготовки к покаянию существовала и раньше. В некоторых Требниках XVI—XVII веков исповедное чинопоследование включало образцы так называемых «предысповедных увещаний». Однако эти наставления священникам, разумеется, не рассматривали увещания как составляющую часть судебного дознания и были далеки от инструкций по изопренному воздействию на личность кающегося. Основная задача «предысповедных увещаний» сводилась к побуждению пришедшего на исповедь искренне рассказать о своих грехах. При этом, по мнению А.И. Алмазова, «предысповедные увещания» «с внутренней стороны, со стороны содержания, <были> бедны и сердечным отношением духовника, и вообще назидательными идеями». (См.: Образ наставления узника к сердечному сокрушению; образ иерейского наставления осужденных на смерть узников, при изведении на смерть осужденного // Чин иерейского наставления в пути вечные жизни болезнующих, с приложением подробного по всем заповедям о грехах испытания. Вкупе же образ наставления осужденных на смерть узников. Почаевский монастырь. 1776. 39, 45 об., 50 об., 56 об., и др.; Наставление духовнику. По Требнику XVI века [Алмазов 1894б: 265—267; 1894а: 451—595].

сильно любимые всеми правителями слова из послания апостола Павла к римлянам: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; посему противящийся власти противится Божию установлению». Однако автор инструкции пошел дальше и, распространив благословление Всевышнего на сферу суда, заявил, что «судьям власть передана от Бога, почему их суд нарицается суд Божий, и заpiresтельство <преступника> представляет Бога лжесвидетелем». После этого оставалось объявить содержащемуся под стражей, что он не только раб Божий, но и «сын Отечества», который «обеспокоил оное преступлением, но успокоит признанием». В данном контексте судьям предписывалось «соизмерять наказание» с тяжестью содеянного, учитывая особенно заслуги арестованного перед властью. В конце инструкции автор выражал уверенность, что увещатель из среды духовенства знаком со Священным писанием, однако на всякий случай на двадцати страницах привел выдержки из Ветхого и Нового Заветов, чтобы «они подавали ему мысли и мысли его подкреплялись оными». При этом весьма тонко пояснялось, что канон не догма, а учение, помогающее понять порок преступника и «противную оному добродетель».

И тем не менее главный пафос инструкции сводился к необходимости возбуждения страха Божьего в душе преступника, о чем говорит и содержание самого документа, и прилагающийся набор цитат из Библии. Прежде всего увещателю следовало убедить колодника, что, пытаясь избежать государственного земного суда, он тем самым лишь умножает свое преступление перед Богом, вечной казни которого не избежать, потому что Высший праведный судья видит все и ему доступна каждая мысль. Этот довод нужно было подкрепить словами из Книги Иова и Псалмов¹⁷: «Бог — зритель есть дел человеческих, утаится же от него ничто (Иов: 34, гл: ст: 21, 22). Господи, пред тобою все желание мое и воздыхание мое от тебе не утаится (Псал. 37 10)». Не менее важным аргументом во время дознания становился мотив правды и лжи: Бог есть истина, сокрытие правды уподобляет преступника дьяволу и низвергает в горящий огонь, где смерть вечная.

Картины ада и Апокалипсиса должны были напоминать часто неграмотным колодникам хорошо знакомые фрески западной стены храмов и иконы Страшного суда. Священнику следовало внушить преступнику, что, «запираясь», он привлекает «мщение Божие, кончину жизни и муку вечную». Образы дьявола, горящей геенны, низвергнутых ангелов и казни грешников в преисподней¹⁸, которые возникали в приведенных цитатах из Библии, имели почти иконографическую точность и практически визуально воздействовали на человека XVIII века:

Бог ангелов согрешивших не пощаде, но пленницами мрака связав предаде на суд, и грады содомския и гоморрския сжег разорением (2Петра: 4—7); смерть грешников люта (Псал. 33: 22); отверзется земля, и разжгется огонь в соме их, пламень попали грешники (Псал. 105: 16—18); убийцам, и блуд творящим, и чары творящим, и всем лживым, часть им в езере горящем огнем и жупелом (Апок. 21: 8).

17 Указание библейских текстов дается по цитируемому источнику.

18 Иконография «Страшного суда» в русском искусстве предполагала довольно натуралистическое изображение многочисленных форм мытарств грешников в аду, которые в целом соответствовали описанию пыток и смертных наказаний, перечисленных в Соборном уложении 1649 года.

Использование священников в качестве дознавателей, клятвы на Евангелии, требование со стороны светских судов постоянного контроля за исповедью колодников, приговоры их к покаянию в монастырях — все эти свидетельства использования церковных практик при ведении следствия и наказании преступников говорят о многофункциональном использовании религиозной символики в судопроизводстве второй половины XVIII века. Так, например, повинные в «смертных злодеяниях» должны были класть от ста до пятисот поклонов и содержались на хлебе и воде, что являлось не просто физической экзекуцией, а символом смирения и аскезы. Во время покаяния в монастыре наиболее тяжелыми считались «поваренные хлебопечные труды», разделка теста, «мукосеяние», которые требовали постоянного физического напряжения и длились до двадцати часов в сутки.

На территории обителей поварни или хлебни располагались, как правило, в подклетах Успенских храмов. В частности, в Соловецком монастыре хлебня с мукосейней, хлебный и квасной погреба, просфоренная служба, а также печи, обогревающие здание, составляли нижний уровень Успенского трапезного комплекса, в который входила трапезная палата и пристроенный к ней храм Успения с приделами, посвященными Усекновению главы пророка Иоанна Предтечи и забитому копьями великомученику Димитрию Солунскому. Если учесть, что главное место труда колодников на Соловках находилось под Успенской трапезной у раскаленной печи, то можно предположить знаковую связь наказания преступника с образами смерти, казни, Страшного суда и ада. Сходную мысль высказывает ведущий специалист по покаянным практикам в монастырях русского Севера Сергей Шаляпин: «Случаи назначения именно хлебни или поварни в качестве места отбывания ссылки столь многочисленны, что приводят к мысли о том, что церковные власти и братия обителей наделяли эти монастырские службы какими-то символическими (ритуальными) свойствами» [Шаляпин 2002; 2013: 128—129].

Представляется логичным, что в данной священникам инструкции, призванной через возбуждение страха Божьего провести дознание, особое внимание уделялось двум преступлениям, которые были и по Соборному уложению 1649 года, и по законодательству XVIII столетия признаны одними из тяжчайших, то есть «смертных». Речь идет о лжи, «запирательстве», ложном доносе, лжесвидетельстве и убийстве. Неслучайно на иконах и фресках, изображающих Страшный суд, центральным образом является громадный червь, тело которого опоясывают кольца с наименованиями тяжких грехов и среди них целый ряд связан этими тяжкими преступлениями: хула, ябедничество, ложь, кощунство, пьянство, насилие, убийство. Характерно, что в период правления Екатерины отношение власти к страшному деянию убийства отразилось и в клеймении колодников. Если до правления императрицы осужденным вырезали ноздри и выжигали на лбу и щеках слово «ВОР», то при Екатерине убийцы приходили через специальный позорный обряд: «...поставить на лбу под виселицею первую букву слова “убийца”»¹⁹. Инструкция также содержит

19 См., например: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 4. Л. 50 об.—51; Ф. 10. Оп. 3. Д. 5. Л. 51 об.; Ф. 248. Оп. 61. Д. 5110. Л. 431; Д. 5159. Л. 199—199 об.; Высочайше утвержденный доклад Сената о наказании за умышленное смертоубийство лишением чинов, дворянского достоинства и постановлением на лбу знака первой буквы слова «убийца» (ПСЗ. Т. XX. № 15032. С. 958—961. 9 июля 1780); и др. См. об этом также: [Соловьев 1965: 126—127; 1966: 114—116]; ПСЗ. Т. XIV. № 10306. С. 235—236. 30 сентября 1754.

целый ряд цитат, которые призваны «сокрушить дух» колодников, лишивших другого человека жизни: «Что сотворил еси сие; глас крове брата твоего вопиет ко мне от земли, и ныне проклят ты на земли: стена и трясыйся будеши на земли (Бт. 4: 10—12)».

Остается неясным, была ли опубликована и разослана во все канцелярии данная инструкция, однако ее содержание точно определяло запрос власти, использующей представителей духовенства в ходе разбирательств по уголовным делам в качестве увещателей, дознавателей, оповестителей и свидетелей при повальных обысках²⁰, о чем свидетельствуют многочисленные архивные источники²¹.

Церковники обязаны были контролировать, чтобы колодники исповедовались, по крайней мере, один раз в год и не уклонялись от молитвы во время трех главных постов, праздников и воскресных дней. При этом духовным лицам полагалось не только заботиться об «умилении и сердечном сокрушении» преступников, но и выступать в роли статистиков, направляющих в экспедицию Сената ведомости о числе раскаявшихся колодников, а также о месте и дате их последней исповеди до совершения злодеяния и ареста²². В частности, например, именно на основании представлений из епархий о наложении епитимьи Сенат сделал заключение о большом количестве смертных убийств среди однодворцев²³.

Таким образом, в России второй половины XVIII века наблюдался малоизученный в историографии феномен сокращения сферы юрисдикции церкви и дальнейшей секуляризации права при активном использовании светскими судами религиозной идеологии и церковных практик для ведения следствия и наказания преступников в условиях гуманизации уголовного законодательства. Материалы судопроизводства второй половины XVIII века наглядно демонстрируют используемые властью механизмы для манипуляции сознанием преступника, которому приходилось выбирать между Страшным судом и чистосердечным раскаянием, за которым следовало наказание по законам суда государственного.

Список сокращений

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание 1-е. СПб. 1830.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

-
- 20 См., например: РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5119. Л. 602—603 об.; Д. 5195. Л. 75—91 об., 348—350 об.; Оп. 62. Д. 5278. Л. 626—643 об.; ПСЗ. Т. XVIII. № 12919. С. 153. 21 июня 1767. Т. XX. № 14579. С. 498—499. 11 февраля 1777; № 15032. С. 958—961. 9 июля 1780; и др.
- 21 См., например: РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5119. Л. 602—603 об.; Д. 5195. Л. 75—91 об., 348—350 об.; Оп. 62. Д. 5278. Л. 626—643 об.; ПСЗ. Т. XVIII. № 12919. С. 153. 21 июня 1767. Т. XX. № 14579. С. 498—499. 11 февраля 1777; № 15032. С. 958—961. 9 июля 1780; и др.
- 22 См. об этом: ПСЗ. Т. XVI. № 12227. С. 889—890. 16 августа 1764; Т. XVII. № 12312. С. 10—11. 17 января 1765; Т. XVIII. № 12919. С. 153. 21 июня 1767; Т. XX. № 14579. С. 498—499. 11 февраля 1777; РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5110. 712—712 об.; Д. 5195. Л. 75—91 об.; Л. 348—350 об.; ПСЗ. Т. XX. № 15032. С. 958—961. 9 июля 1780; и др.
- 23 РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5110. 712—712 об.

Библиография / References

- [Алмазов 1894а] — *Алмазов А.И.* Тайная исповедь в восточной православной церкви. Т. I. Одесса, 1894.
- (*Almazov A.I.* Tajnaya ispoved' v vostochnoj pravoslavnoj cerkvi. Odessa, 1894. T. I.)
- [Алмазов 1894б] — *Алмазов А.И.* Тайная исповедь в восточной православной церкви (Опыт внешней истории. Исследование преимущественно по рукописям). Т. III. Одесса, 1894.
- (*Almazov A.I.* Tajnaya ispoved' v vostochnoj pravoslavnoj cerkvi (Opyt vneshnej istorii. Issledovanie preimushchestvenno po rukopisyam). T. III. Odessa, 1894.)
- [Соловьев 1965] — *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. В 15 кн. Кн. XIV. Т. 23—24. М.: Соцэкгиз, 1965.
- (*Solovyov S.M.* Istoriya Rossii s drevneyshikh времен. Book XIV. Vols. 23—24. Moscow, 1965.)
- [Соловьев 1966] — *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. В 15 кн. Кн. XV. Т. 29. М.: Соцэкгиз, 1966.
- (*Solovyov S.M.* Istoriya Rossii s drevneyshikh времен. Book XV. Vols. 29. Moscow, 1966.)
- [Шаляпин 2002] — *Шаляпин С.О.* О символизме средневековой церковно-пенитенциарной практики // Актуальные проблемы правовой науки. 2002. Вып. 2. С. 59—73.
- (*Shalyapin S.O.* O simvolizme srednevekovoj cerkovno-penitenciarnoj praktiki // Aktual'nye problemy pravovoj nauki. 2002. Vol. 2. P. 59—73.)
- [Шаляпин 2013] — *Шаляпин С.О.* Церковно-пенитенциарная система в России XV—XVIII веков. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2013. С. 128—129.
- (*Shalyapin S.O.* Cerkovno-penitenciarная система в Rossii XV—XVIII vekov. Arhangel'sk, 2013.)